

Глава седьмая. Самый дорогой помощник воспитателя в истории

Детский сад «Подсолнух», кабинет заведующего.

Солнечный свет из окна падал на полированный красный дубовый стол, но не мог рассеять царящую в комнате странную, напряженную атмосферу. Заведующий Ли Дэчай поправил толстые очки на переносице, переводя взгляд то на банковскую карту, испускающую холодноватый черный свет на столе, то на сидевшего на противоположном диване юношу. На ладонях заведующего уже выступил тонкий слой холодного пота.

Сидевший напротив юноша был одет в слегка мешковатую черную толстовку — Хань Тяньюнь вчера вечером в спешке побежала на ночной рынок и купила ему повседневную одежду на свой вкус. И хотя наряд выглядел самым простым, стоило этому юноше занять небрежную позу, как проступавшая между его бровей надменность заставляла заведующего Ли ошибочно принимать его за наследника какого-нибудь транснационального финансового магната.

— Э-э... юный товарищ, нет, молодой господин, — заведующий откашлялся, и его голос слегка дрожал. — Вы только что сказали, что хотите остаться у нас... помощником воспитателя на стажировку?

— Разве тут есть какие-то проблемы? — Цзю Сяньлин приподнял бровь, а его тон был таким непринужденным, будто они обсуждали сегодняшнюю погоду.

— Но ведь в вашем возрасте... — Ли Дэчай горько усмехнулся и указал на правила и предписания на стене. — По закону это называется использованием детского труда, и подобное запрещено. К тому же всем нашим стажерам необходим диплом дошкольного педагога, а у вас...

— Законов я не знаю, но правила мне известны. — Цзю Сяньлин закинул ногу на ногу и небрежно вытащил из глубокого кармана толстовки увесистую пачку сотенных купюр, скрепленных обычной канцелярской резинкой.

Хлоп! — он небрежно швырнул их на стол, и этот резкий звук заставил сердце заведующего пропустить удар.

— Это компенсация за вчерашний ремонт. Вы разбили одно двухслойное окно с фортепьянным лаком, две деревянные парты и один треугольный рояль, который, как говорят, стоил целое состояние. А остальное считайте моим личным пожертвованием детскому саду на строительство новой горки. — Взгляд Цзю Сяньлин был острым, а в тоне сквозила непререкаемая властность. — Что касается вопроса с документами... Дядя Хань поможет мне все уладить, верно?

Хань Цзэ, который всё это время жался в уголке и выглядел несколько растерянно, поспешно неловко кашлянул и, выпрямив грудь, шагнул вперед. Вчера тот самый старейшина Ли, чье

имя гремит в мире антиквариата, лично позвонил ему. В разговоре Ли был донельзя вежлив и четко дал понять, что все удостоверения личности и прописку для Цзю Сяньлина он «оформит лично от и до». Намеками старейшина Ли даже упомянул, что этот парень — самый эксцентричный член клана какого-то скрытого от мира великого старца, и на сей раз он прибыл сюда специально «для закалки в низах».

Между чеком на миллион юаней и громоздкой бумажной волокитой заведующий Ли колебался ровно пять десятых секунды, после чего озарил комнату самой лучезарной улыбкой за всю свою карьеру и изящно выбрал первое.

В итоге тем же днем после обеда Цзю Сяньлин на вполне законных основаниях обзавелся нагрудным бейджиком, став единственным «особым помощником воспитателя» в группе «Подсолнух».

— Детишки, давайте все тихонько послушаем! Сегодня к нам в группу пришел новый старший товарищ — помощник воспитателя, все должны называть его «учитель Сяньлин» и дружить с ним.

Хань Тяньюнь стояла на возвышении, с трудом сдерживая улыбку. Глядя на стоявшего рядом юношу с ледяным выражением лица, руками в карманах и сплошным нежеланием работать во взгляде, она находила эту картину до крайности комичной. «Бог войны», еще вчера громивший на крыше людей в черном, сегодня должен присматривать за стайкой пятилетних малышей.

Перед ними несколько десятков карапузов в желтых нагрудниках во все глаза пялили на Цзю Сяньлин, словно разглядывая редкого зверя.

— Ого! Учитель Сяньлин красивее, чем та прекрасная тетя по телевизору! — восторженно завопила девочка с хвостиками-баранками.

— Учитель, а почему он не в форме? Он что, перепутал класс?

— Учитель Сяньлин, а вы умеете складывать бумажные самолетики? Самолетик, который вчера сделал Сяо Цян, улетел так далеко!

Глядя на эту мелюзгу, которая была едва ему по колено, шмыгала носами и обладала донельзя наивными глазами, Цзю Сяньлин издал долгий и горестный вздох. Подумать только: в прошлые времена, когда он, юный господин, читал проповеди в Зале Десяти Тысяч Даксин бессмертных земель, перед ним сидели бессмертные старцы, прожившие по несколько тысяч лет и способные одним взмахом руки уничтожить звезды, а теперь он скатился до того, что вынужден нянчиться с кучкой смертных детенышей. Этот контраст просто вопиет против небесной справедливости!

— Бумажные самолетики? Не позорьтесь, выставляя на показ столь примитивные игрушки, подчиненные силе гравитации. — Цзю Сяньлин небрежно схватил со стола лист ярко-

фиолетовой бумаги для поделок, и его взгляд сузился.

Мгновение спустя его пальцы замелькали в воздухе с бешеной скоростью, превратившись в призрачные размытые тени. Никакой энергии ци — он задействовал лишь абсолютный контроль над структурой, накопленный за три тысячи лет духовной мощи.

Меньше чем за три секунды на его белой ладони возникло причудливое по форме бумажное творение, чья сложная структура совершенно не соответствовала законам аэродинамики. Это был не самолет, а живой, трепещущий «Девятинебесный Божественный Феникс», у которого отчетливо угадывалось каждое хвостовое пёрышко.

— О-о-у! — по классу прокатился волна оглушительных восторженных возгласов.

Цзю Сяньлин небрежно дунул на поделку. Хотя в этом выдохе не было ни капли магии, он применил особую технику угла потока и воздушного резонанса. И бумажный феникс бесшумно заскользил по комнате по изящной дуге, сделал легкий трехсекундный круг прямо над макушкой Тантан и с абсолютной точностью опустился обратно на ладонь Цзю Сяньлин.

— Это называется мастерство, понятно вам, мелюзга? — Цзю Сяньлин самодовольно приподнял бровь, в глубине души ощущая давно забытое удовольствие от избиения слабых противников в мире бессмертных.

Хань Тяньюнь сидела в сторонке и, наблюдая за тем, как Цзю Сяньлин одновременно презирает происходящее и не может удержаться от демонстрации своих талантов, заметила, как в ее глазах промелькнула нетипичная для нее мягкая рябь. К ее удивлению, этот ядовитый на язык юноша обладал удивительным свойством: стоило ему появиться в классе, как дети, обычно бесноватые как мартышки, становились на удивление послушными. Быть может, на подсознательном уровне малыши ощущали исходившую от Цзю Сяньлин «властную ауру повелителя судеб», возвышающуюся над всем живым — сдерживающий фактор, преодолевающий и границы видов, и возраст.

После окончания работы, когда зажглись первые неоновые огни.

Хань Цзэ вез Цзю Сяньлин на своем старом электрическом мопеде, у которого звенел не столько звонок, сколько скрипели абсолютно все детали, пробираясь через оживленные городские улицы.

— Мелкий, как впечатления от сегодняшнего дня? Тебя там эти маленькие предки до смерти не замучили? — с трудом крутя педали и объезжая выбоины на дороге, громко крикнул Хань Цзэ.

— Устал. Простые смертные утомляют сильнее, чем истребление драконов в Северном море. — Цзю Сяньлин прижался к широкой, слегка отекающей спине Хань Цзэ, втягивая носом исходивший от дяди запах, в котором смешались пот, дешевый табак и легкий привкус

бензина. Как ни странно, этот аромат, в мире бессмертных считавшийся бы абсолютной нечистотой, сейчас приносил ему странное успокоение.

— Ха-ха, в этом и есть жизнь! Устаешь — значит, живешь! — громко рассмеялся Хань Цзэ и припарковал мопед у уличного мангала с шашлыками, окутанного клубами дыма и испускающего умопомрачительный аромат. — Пойди-ка сюда! Дядя сегодня получил дополнительную премию за проявленную храбрость, так что угощу тебя настоящей земной пищей!

На задымленной шашлычной точке отовсюду доносились крики играющих в пальцы под пиво людей и хвастливые разговоры. Хань Цзэ привычно заказал две дюжины шашлычков, несколько порций куриных крылышек, налил себе большую кружку пенящегося холодного пива и с особой заботой пододвинул Цзю Сяньлин стакан газировки с апельсиновым вкусом и пузырьками углекислого газа.

— Дядя, ты каждый день горбатишься до боли в пояснице ради того, чтобы поесть этого обугленного мяса? — Цзю Сяньлин сжал пластиковый стаканчик, глядя на покрытые мозолями руки Хань Цзэ, чьи ногти забились вьевшейся серой пылью, и в его глазах промелькнуло недоумение.

— Обугленное — значит вкусное! Это же дух самой жизни, человеческое тепло. — Хань Цзэ сделал большой глоток пива, шумно выдохнул, и от алкоголя его взгляд слегка затуманился.

— Мелкий, ты еще мал, многого не понимаешь. — Хань Цзэ посмотрел на мерцающие вдалеке неоновые огни, и его голос внезапно стал тяжелым и мягким одновременно. — Раньше, когда я жил один, был сыт — и вся семья сыта, а если небо рухнет на землю, ну так потеряю лишь ничемную шкуру. Но с той самой зимы, когда я подобрал Тяньюнь у ворот детского дома, я понял: моя жизнь уже принадлежит не мне одному.

Пальцы Цзю Сяньлин, сжимавшие бутылку с газировкой, резко напряглись, а зрачки сузились.

— Я должен жить, должен усердно трудиться, зарабатывать деньги, чтобы дать ей образование в университете и дожидаться дня, когда она наденет свадебное платье. — Хань Цзэ хмыкнул, и в уголках его глаз собрались мелкие лучики морщинок. — Пусть я никудышный отец и не могу осыпать ее несметными богатствами, но пока я жив хотя бы день, я буду закрывать ее от любых бурь. В этом и заключается... долг отца.

Цзю Сяньлин умолк. В его сознании помимо воли всплыл образ Небесного Императора Хуан Тао, восседающего на императорском троне из девяти драконов и с холодной отстраненностью взирающего на мириады живых существ, а затем — сцена, когда после учиненного им погрома отец без малейшего колебания пинком сбросил его в мир смертных.

Тогда его переполняло чувство предательства и гнева от того, что от него отказались.

Но после слов Хань Цзэ в глубине его души укоренилась абсурдная и дерзкая мысль: если простой, подобный букашке смертный отец способен сжигать свою жизнь ради защиты ребенка, то что же чувствовал тот Небесный Император-отец, восседающий на вершине всех миров, чья жизнь равна вечности космоса, когда наносил тот самый пинок?

Было ли это банальным раздражением? Или... неким иным, простирающимся сквозь пласты мироздания проявлением еще более глубокой «защиты от бурь»?

К моменту возвращения в квартиру ночь уже вовсю вступила в свои права. Хань Тяньюнь уснула прямо на диване в гостиной, склонив голову, а рядом с ней валялись стопка планов уроков на завтра и детские рисунки.

Цзю Сяньлин прошел на цыпочках, стараясь не издать ни звука. Он посмотрел на ее умиротворенное, слегка уставшее лицо, черты которого лунный свет мягко вырисовывал сквозь щель в занавеске. Эта ровная, чистая аура, подобная Сердцу Массива, заставила взбудораженный от соприкосновения с пыльным миром смертных дух Цзю Сяньлин полностью успокоиться.

По какому-то наитию он протянул палец, желая убрать прядь волос, упавшую ей на глаза.

И в тот самый миг, когда его кончик пальца коснулся кожи у линии ее лба, произошло непредвиденное!

Тончайший золотистый узор, скрытый столь глубоко, что его едва не пропустил даже нынешний Цзю Сяньлин, на мгновение вспыхнул на лбу Хань Тяньюнь и тут же исчез. Энергия, исходившая от этого узора, была необъятной, древней и несла в себе величие, превосходящее любые законы мироздания.

Цзю Сяньлин отдернул руку так, будто его ударило током, а в его глазах застыли ужас и потрясение.

— Это... печать Небесного Пути? Нет, это... Защитный завет миров?!

Он судорожно втянул воздух. Печати подобного уровня в мире бессмертных под силу наложить лишь обладателям наивысшей власти или тем самым легендарным «старым древностям».

— Старик... Что ты в конце концов спрятал в Хань Тяньюнь? Чьей реинкарнацией она является?

Цзю Сяньлин в упор уставился на спавшую Хань Тяньюнь, а затем обернулся и посмотрел на балкон, где слегка сгорбленная и обыденная фигура Хань Цзэ напевала себе под нос, развешивая белье. Впервые он почувствовал, что это приключение в мире смертных вовсе не было случайным «изгнанием», а представляло собой тщательно расчерченный гигантский лабиринт, наполненный неким теплом.

И если прежде он считал себя лишь нарушителем спокойствия в лабиринте, то теперь отчетливо понял: он находился в самом его сердце.

— Плевать, сначала нужно вернуть Первородную Сущность и восстановить силы, — покачал головой Цзю Сяньлин, силой подавляя шок в груди. — Завтра... начну с кулона Тантан, нужно придумать способ «одолжить» часть силы Первородной Сущности, не повреждая основы ее жизни. Как только верну хотя бы десятую долю мощи, я сразу же разгадаю тайну этой печати.

За окном бурлила ночная жизнь мегаполиса образца 2025 года, и неоновые огни скрывали истинный облик звездного неба. Но там, за плотным слоем облаков, пара глубоких глаз, полных скрытого ожидания, разделенная мириадами пыльных дорог и бесконечными звездными сферами, безмолвно наблюдала за замершим на старом диване юношей.

<http://bllate.org/book/22038/2291293>